

УДК 130.2:303.(045)

И. В. Голубович,

д-р филос. наук, профессор,
Одесский национальный
университет имени И. И. Мечникова,
кафедра философии естественных факультетов

ФЕНОМЕН БИОГРАФИИ В КОНТЕКСТЕ МОДЕЛЕЙ «СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ» И «ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ»

В работе рассматриваются теоретические основания и перспективы формирования «биографической прагматики» в контексте современных моделей «социальных технологий», а также концепции и практики «гуманитарной экспертизы».

Ключевые слова: биография, биографическая прагматика, социальные технологии, гуманитарная экспертиза, технологии Я.

Постановка проблемы. Феномен биографии в современном гуманитарном знании исследуется в самых разных ракурсах и контекстах. В данной публикации мы хотим обратить внимание на возможности формирования «биографической прагматики» в рамках социально-философского анализа данного феномена, а также на перспективы «биографического» наполнения таких понятий, как «социальные технологии», «культурные проекты», «гуманитарная экспертиза».

Целесообразность и необходимость такого направления исследований обосновывается, прежде всего, в социологии в рамках развития биографического метода. **Обратим особое внимание на работы** Ж. Альмодавара, Д. Берто, И. Берто-Виам, М. Бургос, Т. Васильевой, Н. Веселковой, В. Воронкова, В. Голофафа, Н. Дензина, В. Журавлевой, Е. Здравомысловой, Ф. Знанецкого, Н. Козловой, В. Лабова, У. Овермана, К. Рисмена, В. Семеновой, У. Томаса, П. Томпсона, Е. Трубиной, Ф. Ферароти, Н. Цветаевой, Ф. Щютце, В. Фишер-Розенталя, Е. Ярской-Смирновой и др. (см.: [1—10]). Украинский социолог В. Подшивалкина на уровне социологического анализа рассмотрела возможность включения биографической компоненты в структуру современных социальных технологий (см.: [11—13]).

Биографический подход может быть востребован также на уровне концепции и практики «гуманитарной экспертизы». Данная проблематика рассматривается в работах Д. Ананьева, И. Ашмарина, В. И. Бакштановского, С. Братченко, Г. Иванченко, Ю. Ищенко, Г. Скирбекка, Г. Л. Тульчинского, Б. Юдина, и др. (см.: [14 — 21]). Возможности использования биографического подхода в предлагаемых моделях «гуманитарной экспертизы» потенциально заложены, но не эксплицированы на теоретическом уровне. Мы попытаемся наметить некоторые перспективы взаимодействия.

Как нам представляется, прикладной аспект «биографической прагматики» должен быть дополнен осмыслением ее теоретических оснований, что может быть осуществлено в рамках философского анализа. Подходы к этому намечаются в работах А. Валевского, Р. Гольдта, В. Менжулина, У. Шмидта и др. (см.:

[22—24]). Мы также обращались к анализу возможностей «биографической прагматики» (см.: [25, 26]).

Цель настоящей статьи — на основе анализа биографии как социокультурного феномена выявить концептуальные предпосылки формирования «биографической прагматики» в структуре «гуманитарной экспертизы» и современных «социальных технологий».

Прежде всего, обратимся к возможностям углубления содержания понятия «социальные технологии» и наполнения его «биографическим» смыслом. Такой путь предлагает, в частности, В. И. Подшивалкина. В контексте «гуманитарной парадигмы» ею выделяется такой тип «социальных технологий», который ориентируется на единичные случаи, на жизненный путь индивида, на учет личностных особенностей. В рамках данного типа вычленяются «социотехнологические аспекты процессов жизнедеятельности», «технологии организации собственной жизни» (См.: [13]). В данном гуманитарно-гуманистическом контексте речь идет о «мягких» социальных технологиях, основа которых — пластичность, готовность к новому (а не воспроизводство), рациональность выбора наряду с инструментальной рациональностью, «самонастраиваемость». Такие технологии в определенном смысле являются интерпретативными и смыслоконституирующими, организующими ценностно-смысловую картину социокультурного мира и собственной жизни-биографии. В рамках «мягких социальных технологий» одновременно формируется и «операциональный смысл», обеспечивается право на личностный смысл и оговаривается ответственность за его содержание. Однако при данном подходе такой элемент социальной технологии как know how нельзя представить в виде четкого алгоритма и схемы, а лишь в виде case-study или «экземпль».

Речь может идти также и о своеобразном преломлении понятий «социальные технологии» и «культурные проекты» в отношении содействия учеными-гуманитариями проникновению в общественное, массовое сознание (в данном случае без негативных коннотаций) новых идей, концепций, парадигм гуманитаристики. Тут существует две крайние позиции. Одна — пребывать в «башне из слоновой кости», всеми силами защищаться от взаимодействия с масс-культурой, дышать исключительно высокогорным воздухом «высокой культуры» и «чистой теории». Вторая позиция обозначена М. Вебером как «соблазн социологов» (шире — гуманитариев): передать концептуально-теоретический «новоиспеченный пирог» изумленной практике. Однако здесь возникает сопротивление самой действительности, а если уж желание «теоретиков» накормить практику своим «пирогом» оказывается слишком велико, то неизбежно насилие над действительностью, «жизненным миром» обычных людей. В этом смысле роль социальной технологии оказывается неоценимой, если понимать ее в контексте «гуманитарной парадигмы» (см. об этом: [13, с. 23—25]).

Примем определение, предложенное В. И. Подшивалкиной: социальная технология — неподдающийся полной рационализации процесс эффективной деятельности, способ создания и многократного воспроизведения содержания научного или другого вида знания (см.: [13, с. 82]). Выделяется два типа социальных технологий: первый ориентируется на массовидные явления, второй — на единичные случаи, на жизненный путь, на учет личностных особенностей. В режиме биографически ориентированных «социальных технологий» («мягких технологий») на постсоветском пространстве можно рассматривать, в частности, такие культурные проекты как «Великие украинцы», «Имя России» и т. д.

Немецкий исследователь Р. Гольдт предлагает в этом контексте переосмыслить предложенные М. Фуко «практики себя», модели «заботы о себе» как «технологии Я», которые предполагают выяснение сути и последовательности кон-

кретных операций целенаправленного самоизменения и самоконструирования. Он указывает на теоретическую плодотворность концепта «Я-проект», введенного Ульрихом Шмидтом (см.: [23, с. 308, 313]). Такой ракурс позволяет выявлять технологичность «автобиографических практик» — «автобиографических техник», определять их как вырабатываемые в конкретной социально-исторической ситуации «стратегии нарративного и культурного самопонимания». В той же мере можно говорить и о «биографических технологиях», «биографических техниках» как о стратегиях и алгоритмах нарративного и культурного понимания и представления жизни конкретного человека, «вот этого» человека.

Рассмотрим теперь возможности применения биографического похода в теории и практике «гуманитарной экспертизы». Гуманитарная экспертиза в современной литературе трактуется достаточно широко — как переход от технологической экспертизы к мульти- и междисциплинарной экспертизе и далее к широкой публичной дискуссии. Фиксируется также переход от узкотехнологической экспертизы к «дискурсивной рациональности» (см.: [14, с. 77]). В целом гуманитарная экспертиза определяется не только и не столько как процесс выработки конкретных решений, сколько как непрерывный и широкий диалог, в ходе которого наряду с обоснованием и критикой тех или иных предлагаемых решений происходит также и процесс выявления, обсуждения и согласования посылок и ценностных позиций различных социальных групп (нередко скрытых, неосознаваемых позиций).

«Материя», с которой имеет дело гуманитарная экспертиза, — это «человеческий потенциал», взятый в контексте интересов, ценностей, личностных смыслов, т. е. того, что определяется человеческой субъективностью. Биографическая и автобиографическая рефлексия при таком понимании «гуманитарной экспертизы» должна стать одной из важнейших ее составляющих, особенно, когда речь идет об экспертизе спонтанных, внезапно появляющихся социальных практик, содержание и потенциал которых успевает зафиксироваться именно на уровне социальной «микрофизики» — в биографических личных документах и устных историях.

«Гуманитарная экспертиза» ее теоретиками определяется как «опережающее реагирование», как возможность принимать вызов проблем и рисков не после того, а до того, как они начинают представлять реальную опасность. Речь идет о необходимости сделать одним из ключевых при оценке эффективности социальных и культурных новшеств «принцип предосторожности» (precautionary principle): предварительную оценку безопасности нововведений. В этом смысле трудно переоценить диагностическую функцию биографических и автобиографических нарративов, где как раз и можно зафиксировать опасности и риски, уже проявившие себя на индивидуально-личностном уровне, но пока мало заметные на уровне «социального организма».

Кроме того, «гуманитарная экспертиза» оценивается как форма предваряющего, моделирующего «обживания» обществом ситуаций, порождаемых внедрением научно-технических и социальных новшеств. Однако «обживает» нововведения не общество в целом, а конкретные индивиды, в актах переживания, смыслополагания, проживания, на уровне конкретных биографических практик. Модели такого «обживания» транслируются в культуре именно как «биографические ситуации», обретающие нормативный характер. В задачи «гуманитарной экспертизы» входит, на наш взгляд и анализ возможностей эффективной социокультурной трансляции таких «биографических моделей обживания».

Если есть экспертиза, то должен быть и эксперт. Какие же требования предъявляет к нему «гуманитарная экспертиза»? Кто он — профессионал или «рядовой обыватель» (layperson) (см.: [14, 15])? Как правило, экспертная оценка тех

или иных социальных инноваций, культурных проектов, социотехнологических нововведений предполагает, что эксперт — это высокий профессионал в данной области, ученый-исследователь, аналитик. Его оценка имеет приоритет по сравнению с точкой зрения непрофессионала, обычного человека, рядового участника и свидетеля социальных трансформаций и реформ. Между тем, как подчеркивают исследователи, разрабатывающие концепции «гуманитарной экспертизы», она не требует в обязательном порядке исключительных профессиональных качеств от эксперта. Более того, именно в гуманитарной экспертизе преимуществом эксперта будет его способность выразить интересы, предпочтения, страхи «рядового обывателя», специфику переживания, претерпевания инноваций обычными людьми. Востребован своего рода «эксперт повседневности». А локусом и топосом осуществления «гуманитарной экспертизы» будет биографическое время-пространство («хронотоп»), траектория жизненного пути, где как раз и фиксируется неуловимые при других настройках и локализациях «переживаемость», «претерпеваемость» новаций. Биографические и автобиографические нарративы, «истории жизни», «рассказы о себе» неизбежно оказываются при таком подходе актами «гуманитарной экспертизы». Однако и здесь не снимается проблема, стоящая перед другими видами социальной экспертизы: проблема «суперэкспертов» — особого класса «экспертов по экспертам», которые сводят воедино, фильтруют позиции «экспертов первого порядка», переводят эти первичные позиции и экспертные оценки в режим «социальных технологий» и принятия конкретных решений.

Гуманитарная экспертиза, как было подчеркнуто, нацелена на междисциплинарное и мультидисциплинарное взаимодействие, на преодоление ограничений «предметного» (дисциплинарно специализированного) видения человека. Она должна осуществляться экспертами не по поводу человека, а для человека. В этом смысле большим эвристическим потенциалом обладает анализ биографических материалов и документов, как наиболее человекомерных, близких к конкретности, фактичности, непосредственности «жизненного мира».

Автор настоящего исследования учитывал это обстоятельство, осуществляя руководство экспертным проектом «Коммуналистские связи по месту жительства» в 2000 г. (программа Малых грантов Всемирного банка) (см.: [27]). Изучались возможности формирования системы коммуналистских связей граждан по месту жительства как новой социокультурной и управленческой практики, опирающейся, тем не менее, на устойчивую традицию существования домовых комитетов в советское время. Мы подбирали авторский коллектив ученых-экспертов таким образом, чтобы данная проблема была проанализирована в различных ракурсах. Наряду с макроуровневыми социологическими, экологическими, управленческими оценками, были учтены разработки одесских социологов В. И. Подшивалкиной и Н. А. Победы. Они анализировали самоорганизационные процессы в жилищной сфере на уровне микросоциологического анализа, с позиций качественной методологической стратегии, с использованием биографических интервью (см.: [28]). Такой подход позволил определить личностные смыслы и модели личной активности одесситов — жильцов многоквартирных домов в отношении проекта «кондоминиумов». Исследователи отметили возможность выявления именно через биографические нарративы такой значимой характеристики, как модальность социальной инновации. Под ней подразумевается приемлемость изменений в соответствии с культурными нормами среды, соответствие социальной инновации системе существующих ценностей и прошлому опыту. Мы также убедились, что биографический подход в состоянии выявить естественность или искусственность того или иного социального нововведения, особенно если оно предлагается «сверху», как в случае с

«кондоминиумами». Ставка в реформировании жилищно-коммунальной сферы на общества совладельцев многоквартирных домов (ОСМД) активно внедрялась в массовое сознание органами исполнительной власти и фондами содействия жилищным реформам, созданными при участии международных финансовых институций. Объявленный нами в рамках реализации данного проекта конкурс на лучший автобиографический рассказ о формах и личном опыте самоорганизации по месту жительства, в том числе, и в советское время, фактически не дал результатов. Апелляция через СМИ к носителям «одесского культурного мифа», к хранителям памяти о легендарных «одесских дворах» на тот момент почти не вызвала отклика. Учитывая возможности наших собственных методологических и методических ошибок, отметим и зафиксированное в данном неудавшемся «биографическом опыте» очень сдержанное, осторожное отношение одесситов к навязываемой сверху социальной инновации. Жители сами осуществили спонтанную «гуманитарную экспертизу», во многом, справедливо увидев в привлекательной на первый взгляд идее кондоминиума (общества совладельцев многоквартирного дома) попытку властей «легитимно» переложить бремя содержания жилого фонда на самих жильцов и тем самым уйти от ответственности.

Выводы настоящей публикации, которую стоит рассматривать как исследовательскую разведку, можно сформулировать следующим образом.

1. Сфера «социальных технологий» и «гуманитарной экспертизы» нуждается в наработках социально-философской биографической прагматики. При этом в рамках данной сферы должны быть выделены особые зоны, где применение биографического подхода будет наиболее целесообразным. Примером служит область «мягких социальных технологий» внутри социально-технологического пространства. «Мягкие технологии» ориентируются на жизненный путь индивида, это «технологии организации собственной жизни», «технологии-практики Я».

2. Биографический анализ может стать одной из важных составляющих процедуры «гуманитарной экспертизы» различных социальных и культурных проектов, прежде всего в отношении всесторонней оценки спонтанных, внезапно появляющихся социокультурных практик, содержание и потенциал которых успевает зафиксироваться именно на уровне социальной «микрофизики» — в биографических личных документах и устных историях. Однако при данном подходе такой элемент социальной технологии как know how нельзя представить в виде четкого алгоритма и схемы, а лишь в виде case-study или «экземпла».

Литература

1. Альмодавар Ж.-П. Рассказ о жизни и индивидуальная траектория: сопоставление масштабов анализа / Пер. с исп. // Вопросы социологии. Т. 1. — 1992. — № 2. — С. 98–104.
2. Берто Д., Виам-Берто И. Наследство и род: трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти поколений / Пер. с франц. // Вопросы социологии. — М., 1992. — Т. 1. — С. 106–123.
3. Биографический метод: история, методология, практика / Под ред. Е. Мещерской и В. Семеновой. — М.: ИСАН, 1994. — 147 с.
4. Бургос М. История жизни. Рассказывание и поиск себя // Вопросы социологии. Т. 1. — 1992. — № 2. — С. 123–131.
5. Голофаст В. Б. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. — 1995. — № 1. — С. 73–88.
6. Знанецкий Ф. Мемуары как объект исследования / Пер. с англ. // Социологические исследования. — 1989. — № 1. — С. 106–109.

7. Козлова Н. Н. Крестьянский сын: Опыт биографического исследования // Социологические исследования. — 1994. — № 6. — С. 112—123.
8. Козлова Н. Н. Методология анализа человеческих документов // Социологические исследования. — 2004. — № 1. — С. 14—26.
9. Семенова В. В. Биография и общество: поиски социального в индивидуальном // Социологические чтения. Вып. 1. — М., 1997. — С. 146—159.
10. Томпсон П. История жизни и анализ социальных изменений / Пер. с англ. // Вопросы социологии. — 1993. — № 1—2. — С. 129—138.
11. Подшивалкина В. И. Методологические проблемы анализа биографических самоописаний // Філософські пошуки. Вип. XVII—XVIII. — Львів—Одеса: Cogito-центр Європи, 2004. — С. 520—526.
12. Подшивалкина В. И. Методологические аспекты построения жизненных стратегий // Харьковские социологические чтения. Сборник научных работ. — Харьков, 1998. — С. 22—24.
13. Подшивалкина В. И. Социальные технологии: проблемы методологии и практики. — Кишинэу: Центр. типогр., 1997. — 352 с.
14. Ашмарин И. И., Юдин Б. Г. Основы гуманитарной экспертизы // Человек. — 1997. — № 3. — С. 76—85.
15. Ашмарин И. И., Юдин Б. Г. Человеческий потенциал: опыт гуманитарной экспертизы // Человек. — 1997. — № 2. — С. 76—85.
16. Братченко С. Л. Введение в гуманитарную экспертизу образования (психологические аспекты). — М.: Смысл, 1999. — 144 с.
17. Иванченко Г. В., Леонтьев Д. А. Комплексная гуманитарная экспертиза: методология и смысл. — М.: Смысл, 2008. — 135 с.
18. Иванченко Г. В., Леонтьев Д. А. Методические вопросы подготовки специалистов по гуманитарной экспертизе // Экспертиза в социальном мире: от знания к деятельности / Под ред. Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьева. — М.: Смысл, 2006. — С. 428—442.
19. Іщенко Ю. А. Гуманітарна експертиза: засадничі принципи, мета, завдання. — К.: Центр гуманітарної освіти, 2002. — 203 с.
20. Іщенко Ю. А. Гуманітарна експертиза карнавалізації свідомості // Філософська думка. — 2006. — № 2. — С. 75—101.
21. Скирбекк Г. Есть ли у экспертизы этические основы? / Пер. с англ. // Человек. — 1991. — № 1. — С. 86—93.
22. Валевский А. Л. Основы биографики. — К.: Наукова думка, 1993. — 111 с.
23. Гольдт Р. Модели личности автора в автобиографии и дневнике / Пер. с нем. А. Кильдюшова // Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге [Научный сборник] / Под ред. Н. С. Плотникова и А. И. Хаардта при участии В. И. Молчанова. — М.: Модест Колеров, 2007. — С. 307—325.
24. Менжулін В. І. Новий історизм: елементи філософсько-біографічної прагматики / Менжулін Вадим Ігорович // Філософська думка. — 2008. — № 4. — С. 81—100.
25. Голубович І. В. Біографія: силует на фоні Humanities. Методологія аналізу в соціогуманитарному знанні. — Одеса: СП Фридман, 2008. — 397 с.
26. Голубович І. В. Біографія як соціокультурний феномен: методологія аналізу в гуманітарному знанні // Філософська думка. — 2008. — № 4. — С. 122—136.
27. Формирование системы коммуналистских связей граждан по месту жительства как одного из механизмов социальной и правовой защиты в условиях переходного кризисного общества: Сб. статей / Гл. ред. И. В. Голубович. — Одеса: «Друк», 2000. — 88 с.
28. Победа Н. А., Подшивалкина В. И. Самоорганизационные процессы в урбанизированных средах и проблемы развития жилищного и коммунального хозяйства (аналитическая записка по результатам социологического исследования) // Формирование системы коммуналистских связей граждан по месту жительства как одного из механизмов социальной и правовой защиты в условиях переходного кризисного общества: Сб. статей / Гл. ред. И. В. Голубович. — Одеса: «Друк», 2000. — С. 59—71.

Голубович І. В.,
д-р філос. наук, професор,
Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
кафедра філософії природничих факультетів

**ФЕНОМЕН БІОГРАФІЇ В КОНТЕКСТІ МОДЕЛЕЙ
«СОЦІАЛЬНИХ ТЕХНОЛОГІЙ» ТА «ГУМАНІТАРНОЇ ЕКСПЕРТИЗИ»**

Резюме

У роботі розглядаються теоретичні основи та перспективи формування «біографічної прагматики» в контексті сучасних моделей «соціальних технологій», а також концепції і практики «гуманітарної експертизи».

Ключові слова: біографія, біографічна прагматика, соціальні технології, гуманітарна експертиза, технології Я.

Golubovych I.,
Doctor of sciences in philosophy,
Odessa National I. I. Mechnikov University,
Department of Philosophy for Natural Sciences Faculties

**PHENOMENON OF BIOGRAPHY
IS THE CONTEXT OF THE MODELS OF THE «SOCIAL TECHNOLOGIES»
AND «HUMANITARIAN EXPERT EXAMINATION».**

The article is devoted to analysis of the theoretical background and perspectives of the «biographical pragmatics» in the context of the contemporary models of the «social technologies». The concept and practice of the «humanitarian expert examination» are described.

Keywords: biography, biographical pragmatics, social technologies, humanitarian expert examination, «technologies of the Self».